

Интерпретация текста-в-тексте: логико-семиотический аспект

Е. Е. Бразговская

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

...всякий смысл следует из операций интерпретации и, стало быть, зависит от стратегии.

Франсуа Растье

Основной вопрос данной работы – каким образом текст представляет онтологическую структуру реальности – и направлен на выявление *инвариантного* (для любого акта коммуникации) механизма отображения текстом своих пресуппозиций. Выбор логико-семиотического метаязыка обоснован необходимостью описания формальных отношений между текстами в пространстве культуры.

Сам термин *текст-в-тексте* обладает на данный момент, подобно термину интертекст, достаточно подвижными понятийными границами. Прежде всего, это лотмановское определение текста как системы разнородных семиотических пространств – внешних текстов, вводимых в данный [1: 429]. Умберто Эко, характеризуя стилистику постмодернизма, говорит о тексте-в-тексте как о ловком манипулировании-игре общими местами: закавычивание, ироническое цитирование топосов, оркестровка потоков выродившихся архетипов – все это есть различные виды конструкций текста-в-тексте [2: 274]. В целом, вопрос определения текста-в-тексте оказывается связанным с проблемой отношения текста к культурному пространству как к «чужому» тексту, с проблемой существования текста как *открытого* произведения. Однако объяснение самого факта присутствия в структуре текста следов его контекстуального окружения (других текстов) становится возможным в рамках лингвистической теории референции. Если референция – это действительно «отношения между текстом и неязыковой частью практики» [3: 288], то эта теория оказывается применимой для интерпретации отсылок текста к другим текстам как к пресуппозициям своего значения. В результате этого процесса каждый текст содержит в своей структуре знаки, референтами которых выступает пространство или фрагмент предшествующего текста. Обозначим эти знаки как знаки

межтекстовых взаимодействий или *i*-знаки¹:

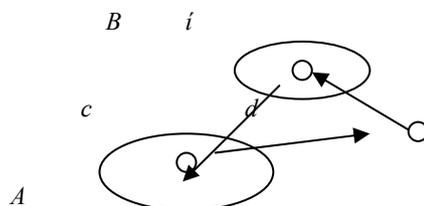

Рис. 1. Модель *i* знака

На рис. 1 представлено бытие *i* знака, осуществляемое посредством отсылки к фрагменту действительности, в качестве которого выступает ситуация, отношение (*c*), отображенные в другом тексте. Пусть *A* – пространство текста-пресуппозиции для текста *B*; *i* – знак, принадлежащий тексту *B* ($i \in B$), но отсылающий в процессе референции к сектору *c* текста *A*. Соответственно, мы считаем знак *i* – знаком *A* и *B* межтекстового взаимодействия ($A \times B$). Сектор *c*, принадлежащий тексту *A* ($c \in A$), выступает объектом референции *i*. Понятийный объем *c* рассматривается как *i* экстенционал. Актуализацией / способом представления *c* в новом тексте становится *d* – интенциональная составляющая *i*.

Рассматривая в качестве текста-в-тексте систему знаков межтекстовых взаимодействий, мы получаем иную трактовку данного термина, где текст-в-тексте уже не имеет в качестве основного значения «чужое» слово. Напротив, в таком ракурсе это уже текст «новый», т.е. авторский, сконструированный из *i* знаков и, соответственно, продуцирующий новое знание. В таком понимании текст-в-тексте имеет гораздо большее отношение к индивидуальной авторской практике означивания мира.

Составляющие текста-в-тексте (*i* знаки) формально выступают как «следы» контекстного окружения данного текста. Назначение *i* знаков (см. рис.1) состоит в установлении аналитически и семантически истинного тождества между неизвестным (описанием индивидов, предметов в создаваемом тексте) и уже известным (сущностными свойствами индивидов и предметов, актуализированных в предшествующих текстах). Взаимоотношение между двумя и более текстами культуры начинают строиться по принципу отождествления (ранее) нетождественного: $i(A) = i(B)$, где некоторый знак текста *A* обладает *i* свойством, которое приписано некоторому знаку другого текста *B*. Создавая контекст условного объединения (индивид, описываемый в тексте *A*, обладает такими свойствами, как если бы он был индивидом из текста *B*), *i* знаки позволяют семантически связывать тексты культуры и представлять их как однопорядковые элементы или элементы одного множества. Знак *i* не является знаком, подобным имени: его «принцип именования» состоит не в том, чтобы

¹ *i*-знак – от англ. *interaction* – взаимодействие.

прилагаться к индивидуальным предметам, а в обозначении сущностных атрибутов этих предметов путем указания на тексты, где эти атрибуты уже были явлены. Если i знак все-таки именуется, то это именование ситуации, сложившейся в пространстве его пресуппозиции. Соответственно, i знаки выступают как:

- знаки *предикатные*;
- *скрытые дескрипции* некоторых инвариантных свойств референтов или как *высказывания* по поводу своих пресуппозиций;
- *переменные*, актуализирующие сущностные отношения мира, которые уже были выведены в других текстах культуры (альтернативных описаниях или возможных мирах) и которые в данном акте коммуникации приписываются следующему индивиду;
- *конструкты текста-в-тексте*.

Действительность других текстов культурного пространства отражается не столько отдельными i знаками, сколько i -знаковыми множествами (включая и множества, состоящие из одного знака): по У. Куайну, истинность отображения проверяется соотношением с означаемым лишь всей знаковой системы в целом. Конфигурация знаков текста соответствует конфигурация объектов, взятых в определенной ситуации (конфигурация определенного положения дел). Изоморфизм этих конфигураций состоит не в сохранении числа и порядка отображаемых «вещей», а в *отображении* сущностных связей между ними. Система i знаков предстает как форма отображения действительности предшествующего текста: iRA , где i отображает структуру текстового мира A . Подстановка различных значений переменных в эту формулу ($x // y // c$ в качестве значений i) представляет нам одно из возможных положений дел, характеризующее один из возможных миров (A). Перефразируя Л. Витгенштейна, можно сказать, что конфигурация i знаков демонстрирует нам «показанность смысла» предшествующего текста/текстов [4:21-22], и именно эту конфигурацию мы будем интерпретировать как **текст-в-тексте**.

Анализируя открытость текстовой структуры, У. Эко пишет о том, что автор вводит в текст «формы организованного беспорядка» для увеличения способности текста передавать информацию [5:60]. С нашей точки зрения, в качестве одной из таких форм может выступать система i знаков, являющаяся следствием опосредованного способа референции текста к действительности, разрушающая однозначность и каузальность связей текста с реальной действительностью. Системой i знаков текст отражает мир, эта система есть своего рода *speculum mundi* – зеркало мира. Логика знака, по Эко, – это «логика замещений»: каждый знак может открывать путь к другому знаку «благодаря скрытой сети потенциальных связей, существующих по воле культурных конвенций» [там же: 97]. В процессе образования различных знаковых комбинаций создаются разноплановые картины мира. И, следовательно, посредством описания системы i знаков конкретного текста мы получаем выход на индивидуальную авторскую картину мира. Система текстовых i знаков – текст-в-тексте – выступает как устройство, интерпретирующее и преобразующее другие текстовые интерпретации мира. В системе i знаков совершается процесс перекодирующей интерпретации (переход имени в предикат) предшествующих текстов. Отсюда, любой i знак представляет собой свертывание структур-

ной схемы предшествующего высказывания-текста. Включаемое в текст i -знаковое множество свидетельствует о «сетевом» способе структурирования реальности, о возможности множественного, т.е. опосредованного пространствами других текстов, способе мышления о мире. Структура текста-в-тексте позволяет анализировать соответствия между символическими выражениями и той реальностью (в нашем случае – культурным пространством), которую они описывают.

Всякий смысл есть результат интерпретации и, следовательно, зависит от ее стратегии. В самом общем понимании, интерпретация текста-в-тексте заключается в преобразовании синтаксической последовательности его символов в последовательность символов семантических, в создании имманентного к данной минуте описания текста-в-тексте. Таким образом, отправной точкой интерпретации становится синтаксическая структура высказывания, а ее задачей – механизм производства смысла внутри этой структуры. Однако это положение требует уточнения в том случае, когда мы собираемся говорить об интерпретации текста-в-тексте. В отличие от того текста, в котором он существует как составная часть, *текст-в-тексте не имеет отдельной зафиксированной формы выражения*. Он не дан нам изначально до момента интерпретации в виде линейной последовательности символов, а значит, не имеет линейного измерения, существуя только пространственно и конструируясь интерпретатором. Поскольку структура текста-в-тексте не актуализирована в «реальности» своего текста и дана нам только как трансцендентный (требующий актуализации) объект, ее «прочтение» осуществляется как интерпретация различного рода упорядочивающих отношений между знаками i -множества. Знаки i как отражения сущностных свойств текстов-предсуппозиций (предикаты) объединяются в структуре текста-в-тексте в сущности еще более высокого порядка – абстрактные классы знаков (множества предикатов), которые, по У. Куайну, функционируют как «абстрактные объекты» и могут интерпретироваться как своего рода «ансамбли смыслов». Объединяя предикаты в множества, мы высказываем о них некоторые утверждения, т.е. приписываем им свойства более высокого порядка. Таким образом, в пространстве текста возникают *предикаты о предикатах* (ср. интенциональный платонизм А. Черча). Описывая множества знаков, мы говорим о классе элементов, общность которых для нас очевидна, поскольку это класс предикатов, к которому приложим предикат более высокого порядка. Множества i -знаков путем формализации могут «извлекаться» из текста и интерпретироваться как самостоятельный (в структуре основного) текст.

В структуре текста-в-тексте оказываются возможными различного рода комбинаторные операции с исходными (выделенными из текста) i знаками. Сегментация системы i знаков осуществляется через представление ее в виде парадигматических (тематических) и синтагматических групп как множеств объектов, обладающих общим свойством/свойствами: $i\{a, b, \dots c\}$. *Парадигматические* группы (множества) объединяют символы, являющиеся вариантом представления одного и того же значения. Они упорядочивают i -знаки в определенные тематические группы, позволяющие проецировать текст на определенный сектор текстового пространства культуры. *Синтагматическое* построение связывается с линейностью знаков и может отражать как авторскую

логику последовательного введения *í* знаков в текст, так и логику интерпретатора, конструирующего из этих знаков *сюжет* собственного текста-в-тексте. Можно с уверенностью говорить о том, что синтагматические *í*-знаковые множества выступают как сюжетобразующие в референциально непрозрачных (и по этой причине лишенных «внешнего» или актуализированного сюжета) текстах. Таким образом, синтагматические и парадигматические конфигурации *í*-знаков могут описываться как одни из возможных **способов интерпретации** текста-в-тексте. Логика таких построений обладает открытым характером и множественными формами представления как с точки зрения автора, так и интерпретатора. Экспликация, а соответственно, и интерпретация знаковых комбинаций возможна лишь в я-здесь-сейчас контексте.

Множества *í* знаков текста-в-тексте (при этом мы учитываем, что множество может составить и один знак) могут подвергаться следующим интерпретирующим операциям:

- *разложения на подмножества* вплоть до отдельного знака;
- *выявления* различного рода *отношений* (*бинарных, эквивалентных, транзитивных, рефлексивных, симметричных*) между знаками множества. С помощью этих операций выявляется внутренняя семантическая организация множества;
- *пересечения множеств* или *произведения множеств* с целью выявления знаков, принадлежащих одновременно нескольким множествам;
- *объединения множеств* в множество более высокого порядка. С помощью последних двух операций выявляется семантическая организация всей системы *í* знаков.

Выявляя различного рода отношения внутри тематических множеств *í* знаков, а также внутри всей системы *í* знаков – множества всех представленных множеств конкретного текста, мы создаем форму отображения текстом стоящего за ним культурного пространства. В этом случае мы заключаем, что элементы этого пространства «находятся между собой в том же соотношении, что и члены множества, конституирующие изображаемый факт» [6: 75].

Описывая знаки, составляющие определенное тематическое множество, мы тем самым оцениваем его *мощность*. Результаты сопоставительного анализа мощности одготематических множеств *í* знаков разных авторов напрямую выводят нас на вопросы индивидуальности означивания мира. Вывод о достаточной равно- или разномощности множеств, «принадлежащих» разным авторам, делается на основе как числа знаков – членов множества, так и на основе характера соотношения этих знаков со своим референтом – преимущественно индексальные или символические знаки. Вопрос о числе членов множества должен рассматриваться как вопрос о его границах. Говорить о *конечности* какого-либо множества *í* знаков можно только с той или иной степенью вероятности, поскольку установление границ множества зависит от того, какое количество знаков текста мы способны воспринимать в качестве *í* знаков: границы множества *í* знаков определяются границами того пространства культуры, которое формирует Энциклопедию интерпретатора.

В целом, *í*-знаковое построение, как система преломленных (интенциональных) отображений культурного пространства, может брать на себя функцию «основного» текста (как например, в *Opowiadanie z psem* Ярослава Иваш-

кевича), и/или в качестве «фона» сопровождать сюжетно-композиционное построение, – участвовать в создании портретных и пейзажных описаний, психологических характеристик и этим создавать возможность «визуальной» (а значит, эмпирической) наблюдаемости сюжетного построения (*Powrót Prozerpiny* того же автора). Сюжетообразующие и изобразительные возможности *í*-знаковых множеств рассматриваются в этом случае как возможности формо-(тексто-) образования.

С философской точки зрения, сущность любой вещи проявляется через ее инвариантные свойства, не зависящие от процессов становления вещи или остающиеся в этом становлении неизменными. Представленные в данной статье типы отношений между *í* знаками в системах авторских текстов-в-тексте могут рассматриваться как их инвариантные свойства, остающиеся неизменными во всех возможных индивидуальных подходах к тексту, т.е. составляющие как основу, так и границы текстовых интерпретаций. В этом смысле можно говорить о том, что любая интерпретация есть способ *существования* текста, тогда как выявленные в результате интерпретации отношения между элементами текста-в-тексте – одно из *сущностных свойств* данного текста, обеспечивающих само его существование.

Мир вторичной (текстовой) действительности ориентирован на понятие *возможности*: каждый создаваемый текст есть возможная форма отображения как реального мира, так и мира других текстов, – это мир, существование которого определяется только через отношения к другим мирам. В частности, и в этом смысле следует говорить о тексте как о «целой системе преломленных изображений» [7: 95]. Но тогда и текст-в-тексте можно рассматривать как одну из составляющих этой системы – как преломленное через призму авторского сознания отображение пространства других текстов. Создание «возможных» текстовых миров обеспечивается конститутивной функцией *í*-знаковых множеств. Текст-в-тексте представляет из себя не что иное, как возникающий, в ряду возможных, текстовый мир (способ создания дискурса). Он не / не только является альтернативой «своему» тексту или текстовому культурному пространству, – это действительно возможный мир, создаваемый множеством / множествами *í* знаков.

Все типы текстов-в-тексте (сюжето- и фонообразующие) можно анализировать как аналоги вероятностных методов представления действительности. Возможные текстовые миры возникают на основе референциальных отсылок к уже существующим текстовым мирам. В процессе референциального отображения пресуппозиций мы делаем референты *í* знаков (другие тексты) релевантными для нашего восприятия. А поскольку любой знак или текст как знак существуют через отсылки к своим референтам, в этом смысле возможные текстовые миры действительно создаются и обладают онтологическим статусом. Таким образом, *í*-знаковые конфигурации рассматриваются нами не только как форма существования авторских текстов-в-тексте, но и как композиционный способ создания возможных текстовых миров.

Если референция к текстовым пресуппозициям выступает инструментом создания других возможных миров, то конкретными способами их создания являются различного рода упорядочивающие операции с *í* знаками: синтагматическая или парадигматическая компоновка, семантическое акцентирование,

трансформация предшествующих образцов и т.д. В возможном текстовом мире в равной степени важно и то, на что он референциально указывает (другой текст), и то, чем он является сам по себе. И поскольку существенные свойства текста-в-тексте определяются характером отношений в i -знаковом множестве и могут быть выявлены только в процессе интерпретирующего описания, становится бесспорным положение Нельсона Гудмена, что искусство должно, наконец, освободиться от душающего (исключительно референциального, по сути) комментария [8: 175].

Наряду с неединичностью возможных по отношению к реальности текстовых миров в процессе интерпретации каждого из них оказывается возможным создание нескольких текстов-в-тексте. Множество текстов-в-тексте предстает как множество *вариантов отображения одного и того же субстрата – выделенных из текста i знаков*. Из последовательности i -знаковых символов, принадлежащих одному тексту, могут быть получены различные пространственно-линейные комбинации, которые будут выступать по отношению к неупорядоченному «множеству» i знаков как актуализированные в интерпретации высказывания. Каждая такая комбинация и может быть прочитана как текст-в-тексте. Таким образом, синтаксическая универсалия об актуализации грамматических конструкторов (предложений) через множество эмпирических высказываний приобретает характер всеобщей универсальной закономерности культурного пространства.

Стратегии интерпретации текста-в-тексте могут быть многообразны. Так, на основе анализа конкретного текста мы можем выходить на модели текстов-в-тексте в культурном пространстве (логико-семиотическая интерпретация), или встать на точку зрения П. Рикера, переходя от модели к дискурсу, уделяя особое внимание экстралингвистическим данным дискурсов, условиям их создания и прочтения [9]. Различие между этими стратегиями можно сформулировать в терминологии Ч. Пирса как различие между *внешним* и *внутренним*. В первой преобладают теорематические заключения, и она выявляет интерсемиотические отношения текста к другим текстам. Вторая же направлена на выявление актуализированных в данном тексте значений, и, следовательно, в ней применяются непосредственно вытекающие заключения. Различие между этими интерпретациями не является абсолютным: так называемая *внутренняя* интерпретация определяется *экстралингвистическими* условиями дискурса, а *внешняя* делает теорематические заключения на основе анализа последовательности *отдельных* текстов. Тем не менее, еще раз подчеркнем, что цели данной работы определяют выбор логико-семиотической стратегии для интерпретации текста-в-тексте. По существу, эту стратегию можно определить и как *гештальтную*, позволяющую создать целостный образ, конфигурацию символов текста-в-тексте, не сводимую к их сумме.

Система текст-в-тексте характеризуется нелинейной пространственной многомерностью, поскольку признаки, по которым происходит объединение ее знаков в множества (предикаты для предикатов) задаются в разных шкалах. Разбиение знаков на множества может происходить по семантическому признаку (тематические группы, например), по функциональному назначению (комбинация i знаков образует «сюжет» нового текста или выполняет фоновую функцию). Организация топологического пространства i знаков зависит от

точки зрения наблюдателя, и грамматические (как логические) правила не имеют в этом «языке» безусловного доминирования: правила оперирования знаками определяются их семантикой. Таким образом, характер связи между элементами системы $\dot{\iota}$ знаков имеет не жесткий, а вероятностный характер. Система текст-в-тексте относится к разряду *сложных*, поскольку допускает не одно, а множество оснований.

Необходимость отражать структуру текста-в-тексте в формальном языке объясняется тем, что, как уже отмечалось, в реальности текста структура эта дана нам только как трансцендентный, требующий актуализации объект. Формальный язык описания способен дать визуальное представление о той или иной форме явленности смысла в структуре текста-в-тексте. И тогда мы получаем возможность анализировать соответствия между символическими выражениями и той реальностью (в нашем случае – культурным пространством), которую они описывают. При этом, насколько это возможно, «преодолевается» индивидуальное отношение к таким соответствиям наблюдателя-интерпретатора. Сам текст-в-тексте выступает здесь как объект, а его представленная структура – как описывающий этот текст метаобъект, или как модель системы знаков межтекстовых взаимодействий. Несмотря на то обстоятельство, что каждая созданная модель текста-в-тексте носит достаточно элементарный характер и, следовательно, стремится представить свой объект однозначным образом, в каждом случае речь идет лишь об *одной* из форм актуализации объекта, что не зачеркивает познавательные возможности таких моделей. Важнейшее свойство модели текста-в-тексте – способность представить систему отношений между знаками межтекстовых взаимодействий и уровнями этих знаков, а посредством этого получить возможность выхода на интерпретацию определенного положения дел в мире. Сама по себе эта модель, ориентированная на отражение результатов межтекстовых взаимодействий, обладает ограниченными выразительными, но неограниченными репрезентативными возможностями.

Если теория интертекстуальности растворяет текст в других текстах, лишая его, а значит и мир, отчетливо выраженных границ, то логико-семиотический анализ межтекстовых взаимодействий возвращает эти границы и тексту, и стоящей за ним действительности. Семиотическая интерпретация есть, прежде всего, интерпретация форм. Пределы интерпретируемости текста определяются широтой (экстенсией) его приложения к действительности – пространством вербальных текстов, по отношению к которой возникающий текст обладает *статусом прочтения*. Тот факт, что создавая текст, автор «создает» и пространство его проекций, означает, что таким образом автор, а за ним и интерпретатор, моделируют мир и посредством текста «сводят его к управляемому (в интерпретации – Е. Б.) формату» [10: 21].

Литература

- [1] Лотман Ю.М. Текст в тексте // Лотман Ю. Об искусстве. СПб., 1998.
- [2] Eco U. A Theory of Semiotics. Bloomington, 1979.
- [3] Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород, 2001.
- [4] Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994.

- [5] Eco U. The Open Work. Harvard, 1989.
- [6] Мауро Т. де Введение в семантику. М., 2000.
- [7] Бютор М. Роман как исследование. М., 2000.
- [8] Гудмен Н. Способы создания миров. М., 2000.
- [9] Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995.
- [10] Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. Bloomington, 1984.